

**Задания отборочного этапа олимпиады школьников
Союзного государства «Россия Беларусь: историческая и духовная
общность» в 2019 году**

Тексты для написания отзыва

Николай Васильевич Гоголь

**ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ
ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ (1834)**

Глава I

ИВАН ИВАНОВИЧ И ИВАН НИКИФОРОВИЧ

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните, ради бога, на них, – особенно если он станет с кем-нибудь говорить, – взгляните сбоку: что это за объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекешы! Он сшил ее тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя.

Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно – так ветви и врываются в комнату. Это все перед домом, а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «участвовал такой-то».

Покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича. Да, домишко очень недурен. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве. Впрочем, крыши все крыты очеретом; ива, дуб и две яблони облокотились на них своими раскидистыми ветвями. Промеж деревьев мелькают и выбегают даже на улицу небольшие окошки резными выбеленными ставнями.

Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский! Дорош Тарасович Пухивочка, когда едет из Хорола, то всегда заезжает к нему. А протопоп отец Петр, что живет в Колиберде, когда соберется у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович.

Боже, как летит время! уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел. Детей у него не было. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носит ключи от комор и погребов; от большого же сундука, что стоит в его спальне, и от средней коморы ключ Иван Иванович держит у себя и не любит никого туда пускать. Гапка, девка здоровая, ходит в запаске, с свежими икрами и щеками.

А какой богомольный человек Иван Иванович! Каждый воскресный день надевает он бекешу и идет в церковь. Взошедши в нее, Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Иван Иванович никак не утерпит, чтоб не обойти всех нищих. Он бы, может быть, и не хотел заняться таким скучным делом, если бы не побуждала его к тому природная доброта.

Лев Николаевич Толстой

ХАДЖИ-МУРАТ (1896-1904)

Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь. Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой «любишь-не-любишь» с своей прелой пряной вонью; желтая сурепка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики. Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татаринном» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук, мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко, и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель колелся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, – он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни, – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь». Дорога к дому шла паровым, только что вспаханном черноземном поле. Я шел наизволок по пыльной черноземной дороге. Вспаханное поле было помещицье, очень большое, так что с обеих сторон дороги и вперед в гору ничего не было видно, кроме черного, ровно взборожденного, еще не скороженного пара. Пахота была хорошая, и нигде по полю не виднелось ни одного растения, ни одной травки, – все было черно. «Экое разрушительное, жестокое существо человек, сколько уничтожил разнообразных живых существ, растений для поддержания своей жизни», – думал я, невольно отыскивая чего-нибудь живого среди этого мертвого черного поля. Впереди меня, вправо от дороги, виднелся какой-то кустик. Когда я подошел ближе, я узнал в кустике такого же «татарина», которого цветок я напрасно сорвал и бросил. Куст «татарина» состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки. На других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал вверх. Видно было, что весь кустик был переехан колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял. Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз. Но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братии кругом его. «Экая энергия! – подумал я. – Все победил человек, миллионы трав уничтожил, а этот все не сдается». И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе. История эта, так, как она сложилась в моем воспоминании и воображении, вот какая.

ПОЭЗИЯ

Николай Николаевич Асеев
(1889-1963)

ДОМ

Я дом построил из стихов!..
В нем окна чистого стекла, –
там ходят тени облаков,
что буря в небе размела.

Я сам строку свою строгал,
углы созвучьями крепил,
венце к венцу строфу слагал
до самых вздыбленных стропил.

И вот под кровлею простой
ко мне сошлись мои друзья,
чьи голоса – но звук пустой,
кого – не полюбить нельзя:

Творцы родных, любимых книг,
что мне окно открыли в мир;
друзья, чья верность – не на миг,
сошлись на новоселья пир.

Летите в окна, облака,
входите, сосны, в полный рост,
разлейся, времени река, –
мой дом открыт сиянью звезд!
1955

Николай Николаевич Рыленков
(1909-1969)

**НЕТ, ВОЛШЕБНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ
НЕ ЛГАЛИ**

Нет, волшебные русские сказки не лгали
Про Кощееву смерть, про ковёр-самолёт;
Нет, не праздные люди те сказки слагали,
А провидцы, в чьих вымыслах правда живёт, –

Те, кто верил: не вечно, над кладом коснея,
Злой старик будет счастье держать под замком.
Срок желанный придёт, и осилит Кощея
Русский сметливый парень, что слыл простаком.

Он, в беде и в удаче не знавший остуды,
Не боявшийся с детства забот и хлопот,
В руки добрые гусли возьмёт самогуды,
Сапоги-скороходы, ковёр-самолёт.

Как бы прадеды наши суровые жили,
Чем сердца согревали б под небом скупым,
Если б сказок волшебных они не сложили,
Все мечты завещая потомкам своим?

Разве сказки не справились те в самом деле,
Что светили когда-то, как звёзды в ночи?
Мы Кощея судьбы у себя одолели,
Мы от тайн вековых отыскивали ключи.

Перед нами земля в зеленеющих всходах,
Мир, где каждая тропка зовёт нас вперёд.
Мы проходим свой путь в сапогах-скороходах,
Есть и гусли у нас и ковёр-самолёт.

Нам уж снится миров отдалённых соседство,
Тех, что смотрят на землю миллионами глаз...
Мы от предков своих получили в наследство
Жар мечты. Остальное зависит от нас.
1959

Виктор Александрович Соснора
(1936-2019)

Александр Моисеевич Городницкий
(род. 1933)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Над Ладогой вечерний звон,
перемещение водных глыб,
бездонное свечение волн,
космические блики рыб.

У туч прозрачный облик скал,
под ними –
солнечна кайма.
Вне звона различимо, как
гудит комар!
гудит комар!

Мои уключины – аккорд
железа и весла – меча.
Плыву и слушаю – какой
вечерний звон! вечерний час!

Озерной влаги виражи
и музыкальная капель...

Чего желать?
Я жил, как жил.
Я плыл, как плыл. Я пел, как пел.

И не приобретал синиц,
небесных журавлей – не знал.
Анафема различных лиц
смешна,
а слава – не нужна.

Не нужен юг чужих держав,
когда на ветках в форме цифр,
как слезы светлые дрожат
слегка пернатые птенцы,

Когда над Ладогой лучи
многообразны, как Сибирь,
когда над Родиной звучит
вечерний звон моей судьбы.
1964

СТАРЫЙ ПУШКИН

И Пушкин возможно, состарившись, стал бы таким,
Как Тютчев и Вяземский, или приятель Языков.
Всплывала бы к небу поэм величавых музыка,
Как царских салютов торжественный медленный дым.

И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней
О славе державы, о тени великой Петровой, –
Наставник наследника, гордость народа и трона,
В короне российской один из ценнейших камней.

Спокойно и мудро он жил бы, не зная тревог.
Настал бы конец многолетней и горькой опале.
И люди при встрече шептали бы имя его,
И, кланяясь в пояс, поспешно бы шапки снимали,

Когда оставляя карету свою у крыльца,
По роскоши выезда первым сановникам равен,
Ступал он степенно под светлые своды дворца,
С ключом камергера, мерцающая звездой, как Державин.

Царём и придворными был бы обласкан поэт.
Его вольнодумство с годами бы тихо угасло.
Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет,
Как пламя лампы, в которой кончается масло.

И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой,
Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада,
А старого Пушкина с грузной седой Головой
Представить не можем; да этого нам и не надо.
1978

*Семён Исаакович Курсанов (1906—1972)***МАЯКОВСКОМУ**

Быстроходная яхта продрала бока,
растянула последние жилки
и влетела в открытое море, пока
от волненья тряслись пассажирки.

У бортов по бокам отросла борода,
бакенбардами пены бушуя,
и сидел, наклонясь над водой, у борта
человек, о котором пишу я.

Это море дрожит полосой теневой,
берегами янтарными брезжит...
О, я знаю другое, и нет у него
ни пристаней, ни побережий.

Там рифы – сплошное бурление рифм,
и, черные волны прорезывая,
несется, бушприт в бесконечность вперед,
тень парохода «Поэзия».

Я вижу – у мачты стоит капитан,
лебедкой рука поднята,
и голос, как в бурю взывающий трос,
и гордый, как дерево, рост.

Вот вцепится яро, зубами грызя
борта парохода, прибой, –
он судно проводит, прибою грозя
выдвинутою губой!

Я счастлив, как зверь, до ногтей, до волос,
я радостью скручен, как вьюгой,
что мне с командиром таким довелось
шаландаться по морю юнгой.

Пускай прокомандует! Слово одно –
готов, подчиняясь приказам,
бросаться с утеса метафор на дно
за жемчугом слов водолазом!

Всю жизнь, до седины у виска,
мечтаю я о потайном.
Как мачта, мечта моя высока:
стать, как и он, капитаном!

И стану! Смелее, на дальний маяк!
Терпи, добивайся, надейся, моряк,
высокую песню вызванивая,
добыть капитанское звание!

1926

